

АЛЕКСЕЙ ПОЛИКОВСКИЙ

ФЛОРЕНЦИЯ

РОМАН-ПУТЕВОДИТЕЛЬ



Алексей Поликовский

Флоренция. Роман-путеводитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073419

ISBN 9785448339882

Аннотация

Двое бесцельно бродят по улицам Флоренции, держась за руки, как дети. За их спинами огромной тенью нависает страна, чреватая войной. Как спастись от серой тени и черных предчувствий? Бежать? Эмигрировать? Куда? В сегодняшнюю Флоренцию, шумную, светлую, чудесную? Или еще дальше, в голубое небо Микельанджело, в ночные мистерии Боттичелли? Маршруты их прогулок описаны с топографической точностью. Это роман о встрече двух одиноких и потерянных людей в самом прекрасном городе на Земле.

Содержание

Глава первая	5
1	6
2	10
3	12
4	16
5	19
6	23
Глава вторая	26
1	29
2	33
3	36
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Флоренция

Роман-путеводитель

Алексей Поликовский

Фотограф Алексей Поликовский

Фотограф фото на обложке CC0 Mariamichelle

Фотограф панорама, стр. 108 CC0 BubbleJuice

© Алексей Поликовский, 2017

© Алексей Поликовский, фотографии, 2017

© фото на обложке CC0 Mariamichelle, фотографии, 2017

© панорама, стр. 108 CC0 BubbleJuice, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-3988-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая



Сандро Боттичелли. Весна. 1482. Галерея Уффици, Флоренция

Высокий мужчина в синей спортивной куртке и черной бейсболке с эмблемой нью-йоркских пожарных стоял у дверей аэропорта Болоньи и с удивлением смотрел на небо. Небо, небо, какое же ты странное, ты опять чудишь! И в помине не было никакого дождя, когда аэробус А-330 после трех часов полета прилег на крыло и пошел вниз – живая голубизна распахивалась безмерно, золотое солнце сияло – и вот на тебе. Не объявленный по радио, не предсказанный метеослужбами, никем не ожидаемый, тихо зашуршал мелкий дождь. И плечи его куртки быстро стали влажными.

Подъехал автобус компании Appennino Shuttle. Водитель, молодой итальянец с расстегнутым воротом рубашки, открыл заднюю дверь, пассажиры деловито поставили чемоданы в багажник. Из Болоньи во Флоренцию, помимо мужчины в синей куртке с намокшими плечами, ехали три человека: две пожилые русские женщины и тридцатилетний коммивояжер с большим «дипломатом», который он не стал сдавать в багажник. Но никто не торопился. С десятиминутным опозданием водитель сел на свое рабочее место, поерзал спиной, завел мотор, включил голубую подсветку под потолком и вывел машину из-под стеклянного навеса на улицу.

Лента двухполосного шоссе стремительно разматывалась вглубь Италии. То маленький автобус обгонял машины, то

машины обгоняли автобус. Тогда, сверху, глядя в окно, Бражников успевал ухватить взглядом чьи-то белые, важные, самодовольные руки на обтянутом темной кожей руле Тойоты Авенсис. Или видел гладкие светлые волосы девушки за рулем маленького Фиата, словно синяя пуля, несущегося в светлом воздухе. Лица и руки появлялись в поле его зрения на три секунды и тут же исчезали навсегда, и это короткое, мгновенное касание чужой жизни, пролетающей мимо на скорости 90 километров в час, почему-то волновало его. Сколько в мире есть людей, сколько жизней, отношений, связей, дел, интереса, любви, азарта, любопытства, сколько в мире скрыто страсти и нежности, и какая сила усаживает всех этих людей за руль и ведет куда-то на юг Италии.

Прямо от дороги поднимались поросшие деревьями горы, молчаливые в своем соединении с первым небом. В космогонии Бражникова небо имело двенадцать степеней. Первое, самое близкое к земле – высунь руку из окна летящего по Тоскане шаттла и коснись – клубилось серыми тучами над круглыми вершинами мощных холмов, помнящих повозки Цицерона и гнедого коня Челлини. Апеннинский шаттл въезжал в глубокие туннели, прорезанные в горах, а когда вылетал из гула и тьмы на свет, вокруг снова были горы в густой зелени деревьев. Когда-то, в молодости, отстоящей от сегодняшнего дня далеко, как другая эпоха, читая тусклую ксерокопию стихов Манделыштама, Бражников представлял тосканские холмы невесомыми, почти бестелес-

ными, — образ холмов, а не сами холмы! — но на поверку они оказывались могучим скоплением земли и камня. Деревья взбирались по крутизне вверх, на пустынном склоне иногда появлялись белый дом за каменной оградой, или заброшенная хибара с провалившейся крышей, или маленькая ферма с ржавой цистерной, установленной на круче. И эти редкие, заброшенные на высоту, молчаливые, окруженные зеленым морем дома ждали чего-то и помнили о чем-то.

Куртка на плечах быстро высохла. Небо расчистилось. Справа уже светило и грело апрельское итальянское солнце. Маленький шатл отважно летел вперед, вглубь Италии, туда, где все пейзажи напоминают задние планы картин Боттичелли... Бражников снял бейсболку и прислонил лоб к стеклу. Глядя на холмы, деревья и небо, он испытывал облегчение человека, ускользнувшего из удушья. Самолет делал побег мгновенным. Чемодан он долго не собирал. От того, что происходило в России, его тошнило. Украиной были забыты все ленты в социальных сетях. На улицах Москвы в апреле снег расплывался в лужи и снова застывал ночным хрупким льдом. Но было и еще что-то, кроме войны, всеобщей истерики, резиновой лжи, грязного снега, что-то еще, что он не мог выразить словами, словно в надвигающемся тумане таился какой-то огромный, невысказанный кошмар. Сжимало виски, ныла душа. Но тут, на стремительной дороге между поросшими лесом холмами, самоедская родина отлетала в такую даль, что почти переставала существовать. Ком-

мивояжер между тем вышел на окраине городка Каленцано и решительным шагом удалился по пустой улице в сторону гор. В руке у него был черный плоский портфель с блестящей никелированной застежкой, в котором хранились образцы тканей, или фотографии дверей с витражами, а может быть, ложки из сверхпрочного сплава с золотым напылением. Куда он шел? Зачем приехал в Каленцано, скучное место с пальмами у супермаркета? Но долго размышлять об этом не пришлось, потому что автобус после череды круговых разворотов снова выскочил на шоссе и скоро въехал во Флоренцию.

Конечная остановка шаттла была у вокзала Santa Maria Novella. Via Vaenza вела от вокзала к центру города. Чемодан за спиной Бражникова весело подпрыгивал на камнях древней мостовой. В утренний час по улицам уже текла яркая, густая, разноязычная толпа. Изменения были разительны. Еще вчера Бражников был московским человеком со льдом под ногами и матом в ушах, кутавшим горло в теплое кашне, а сегодня сменил погоду и народ и безболезненно перешел в европейцы. Дышалось легко. И он не один был такой. Вместе с ним по старинным улочкам по направлению к центру шагали десятки людей с чемоданами на колесиках. Некоторые останавливались и задумчиво раскрывали перед собой карту. Все это были европейцы, новая человеческая общность, сформированная после двух мировых войн, европейцы, до которых наконец дошло, что довольство и покой каждого из них священны и значат больше, чем любые политические химеры. Ни у одного из них не было мрачного и депрессивного выражения лица, которые столь часты на улицах Москвы. Волшебный флорентийский воздух мгновенно избавлял Бражникова от хронической простуды и хронической тоски, от вялости и тяжести.

После четверти часа пешего пути под drobный стук и пронзительное пение чемоданных колесиков он увидел

в конце узкой улицы Дуомо. Вдруг возник Дуомо, всегда вдруг. Увидел и вздрогнул, увидел и обрадовался, увидел и улыбнулся. Гигантский собор не умещался в проеме улицы, показывал только малую часть своего резного, украшенного тонкими витыми колоннами и окошками бока. Но с каждым шагом он рос. Улица кончилась, площадь распахнулась, собор вымахнул в ширь и ввысь, огромный, высокий, прекрасный, светлый. Собор не принадлежал земле, улице, площади, городу и был отдельным от них, созданным не здесь, а *там*: он не из земли рос, а, наоборот, спускался с неба. Солнце лежало на его белых боках, медленно и плавно поднимавшихся туда, где в голубом небе круглый купол бахвалился своей рыжиной. Дуомо купался в солнце, невысказанный в своей красоте, огромный и легкий, протяженный в пространстве и во времени, не от мира сего в ритмичном чередовании белого, розового и зеленого мрамора, а вся площадь у его подножья была залита маленькой и смешной человеческой жизнью, то есть невысказанным количеством самого разного рода людей.

Отель Panerei&Panerei, где всегда останавливался Бражников во Флоренции, располагался в доме, который тут считался если и не новым, то уж точно не старым, о чем ему однажды, с сожалением покачивая головой, сказала хозяйка отеля, болгарка Альбена: «Это не древний дом... Семнадцатого века». Так она говорила по русски, с акцентом. Вывески у отеля не было. Дом позировал на улице *via dei Servi* высоким фасадом и шикавал просторными и прохладными лестничными пролетами с солидными перилами и ступеньками белого камня, потемневшими за двести лет. Знали эти ступеньки тяжелые коричневые туфли с пряжками давних флорентийцев, знали теперь и легкие мокасины приезжих из разных стран. Номеров в маленьком семейном отеле было пять, двери их выходили в коридор, имевший форму буквы П, между ножек которой располагалась вертикальная шахта, заканчивавшаяся далеко вверху прямоугольником неба. Окно номера, на темной двери которого висела массивная золотая цифра 2, выходило во дворик. Это был номер Бражникова, где все ему было знакомо и куда он вошел, как в привычное жилье.

Что еще подкупало, так это связка массивных ключей на кольце с кожаным брелком. Это тебе не хлипкая магнитная карточка в каком-нибудь Hilton Inn. Один ключ от номе-

ра, другой от двери на лестничной клетке, третий от тяжелой и высокой – в два человеческих роста – двери в подъезд... Но вернемся к отелю, который болгарка Альбена содержала вместе с мужем Вальтером. Несмотря на немецкое имя, он не знал ни слова по немецки. Вальтер был толстым дружелюбным итальянцем, изъяснившимся с постояльцами улыбками и кивками. Большую часть дня он сидел за компьютером в коридоре и занимался финансами, создавая и сливая ячейки в бухгалтерской программе. Фото заснеженных черепичных крыш Флоренции – да, да, и у нас тут бывает снег! – висевшее в рамочке на стене у входной двери, принадлежало ему, о чем он любил напоминать постояльцам, кивая на фото и ударяя себя в грудь большим пальцем: «Io... la mia...». Он гордился этим кадром.

В маленьком семейном отеле Panerei&Panerei не было ресторана или кафе, а завтрак в комнаты с 8 до 10 утра подавала хозяйка. Она же готовила на кухне. В ее утреннем ассортименте всегда были яйца, выбирать следовало между яичницей-глазуньей и омлетом, но Бражников знал, что выбор условен и ничего не гарантирует. Вероятность успеха составляла примерно процентов 70, а еще 30 приходились на постоянную хозяйственную суету, которая выносила из головы Альбены заказ постояльца, а также на ее художественную непосредственность, которая заставляла ее сочинять глазунью с горячей, едва пожаренной ветчиной или горочку омлета с зеленью, ставя превыше всего красоту, а не скучное

желание постояльца набить себе брюхо. Ветчины она могла подать много, могла мало, а могла вообще не подать. Завтрак она вносила на деревянном подносе с резными перильцами и с ласково-виноватой улыбкой ставила на журнальный столик. Кофе подавался не в кофейнике, а в никелированной кастрюльке с крышкой. Пароль на вход в сеть wi-fi был написан мелом на грифельной доске в коридоре: benvenuto. Он никогда не менялся.

Запихнув чемодан в шкаф, Бражников подошел к окну, вытянул тугой крупный шпингалет и с силой толкнул створку. Старая створка поддалась со стоном. Перегнулся через подоконник, выглянул наружу. Все как всегда, все как прежде. Здравствуй, флорентийский дворик немыслимой красоты, я ехал к тебе из города, где чахлые деревца растут в гранитных гробах, где по верху бетонных заборов ползет ржавая колючая проволока, а трубы в клочьях пакли прокладывают прямо по улицам. На краю дворика, у каменной стены, сложенной из кирпичей, скромно стояло стройное дерево, усыпанное розовыми цветами. В свой первый приезд сюда он принял их за розы, но разве розы растут на деревьях? «Что это за цветы, Альбена? Неужели розы? – Нет. Она, как всегда, покачала головой, многозначительно улыбаясь. – Это камелии». Ах вот оно что. Он посмотрел на усыпанные цветами ветви с любопытством и уважением. Он видел камелии первый раз в жизни. Сейчас была весна, камелия опять усыпана цветами. На черной земли лежали мелкие розовые ле-

пестки.

Днем высокого мужчину в синей куртке и бейсболке с эмблемой нью-йоркских пожарных видели на площади Дуомо, а впрочем, те, кто видели его, тут же забывали о нем. И он тоже быстро забывал о тех, кого видел. Все скользило и проскальзывало мимо, никто никого не помнил. Люди в густо населенном и непрерывно путешествующем мире стали песчинками, которые носит ветер, встреча человека с человеком проходит бесследно, мелькнул и пропал, вот и все. Это раньше пастух встречал отшельника на лесной тропе, помнил о встрече всю жизнь и передавал воспоминание о ней сыну в наследство. А теперь за день на площади Дуомо видишь больше людей, чем Микельанджело видел за всю свою жизнь. Пересекали площадь новоприбывшие с чемоданами на колесиках. Собирались в кружки и внимательно слушали объяснения учительниц группы школьников с пестрыми рюкзачками на спинах. Молодые торговцы с коричневыми лицами и узкими глазами – вьетнамцы? филиппинцы? – многозначительно подбрасывали на ладонях пластиковые шарики с нарисованными на них глазками и ртом, а потом вдруг размахивались и швыряли их на булыжную мостовую. Шарик растекался и превращался в цветную лужицу.

Ну, здравствуй, чудо света, Дуомо. Я слышу, как ты молчишь. Дуомо молчал поверх земли, поверх звука челове-

ческой жизни. Бражников шел в густой говорливой толпе по старинной площади, обходя по кругу гигантский собор, который было бессмысленно фотографировать, хотя сотни людей вокруг беспрерывно делали это. Но собор нельзя сфотографировать, потому что медленно растущая ввысь громада не может уместиться ни в один объектив. Белый мрамор был свеж, как молодость, розовый нежен, как цветы камелии, зеленый глубок. Тонкие витые колонны на высоте первого неба так чисто, так наивно гордились своей стройностью. Огромное круглое окно с высоты десятого неба молча глядело на город, а может, слушало его. Круглые окна Duomo это его глаза или уши? Или развившийся в веках, возникший из раковин и роз новый орган слухозрения? Такой схоластический вопрос давно занимал Бражникова. И там, совсем высоко – следовало закинуть голову до спины, чтобы рассмотреть его – был плавный, рыжий, с острыми дугами купол.

В огромные темные двери Duomo вползала вечная, никогда не кончавшаяся очередь. Люди шли в собор, чтобы посмотреть на него, а не чтобы молиться. Они больше не воспринимали собор как место встречи с Богом, но в самом соборе это ничего не меняло, он очевидно знал о Боге и молча встречался с ним в назначенной ему точке небесного измерения. Собор соединял небо и землю, но как именно, Бражников не знал. Может, он был трубой, по которой сверху вниз век за веком текло послание, хотя возможно, он был

датчиком, передававшим на восьмое небо информацию о состоянии человечества, воздуха, лесов, морей и птиц. Как-то же Бог должен получать информацию о своем создании, какие-то источники информации у него должны быть. По-разному можно было воспринимать собор, в зависимости от времени дня или ночи, года или месяца, положения звезд и положения глаз. В какой-то момент, на тысячном шаге ритуального утреннего путешествия вокруг собора, Бражников вдруг ощутил его как природное явление. Это был собор-гора, собор-море, собор-небо, собор-жизнь, собор-свет. Огромный и обширный, он знал абсолютно все и молчал обо всем. Знание о том, что Duomo все-таки построили люди, что он вмещал в себя труд нескольких поколений каменотесов с мускулистыми руками и потными спинами, высокомерие молчаливого Джотто и отвагу инженера Брунелески, который взялся перекрыть куполом долго стоявший безголовым гигантский объем – такое знание было само по себе. А Duomo сам по себе.

Человек размытый, со смазанным контуром, внутри которого клубится туман спутанных мыслей и неразрешимых сомнений – вот он, герой этой странной книги, которая сама не имеет четкого контура и проваливается в щель между жанрами. Тут у нас роман, а через страницу путеводитель, здесь мы строго отделяем автора от героя, а страницей дальше они без спроса сольются так, что не различишь, где кто. Все здесь течет и переливается, воздух московской осени и воздух флорентийской весны, мысли о Микельанджело и мысли о колбасной нарезке, которую хорошо бы купить на ужин в супермаркете Conad, где за кассой сидит толстая усталая итальянка, память о московском Старосадском переулке с кирпичом в глубине двора и воспоминание о студенческой забежаловке под матерчатым тентом, где пил кофе и ел сосиску вместе с флорентийскими школярами... И в памяти, как в чудо-ларце, раскрытом на бабушкиной тахте, хранятся ялтинские сердолики детства... Поет в памяти, заливается истоиво и страстно соловей с Донского кладбища, о котором еще будет речь, и широко раскидывает узкие крылья в долгом парящем полете чайка над Арно. Таков этот человек, смутный и переменчивый, утерявший ясность и четкость собственного образа, думающий сразу о многом, чувствующий невыразимое нечто и в придачу печаль под ложеч-

кой.

Вся человеческая история казалась ему злым баловством. Баловались оружием, затевали свары и войны, плодили детей и желания. Воровали друг у друга золото и земли. Ерунда, пестрая смесь какая-то. Сказка абсурда, бред без входа и выхода. Сказкой были бесчисленные герои с мечами, копьями и автоматами, жертвовавшие жизнью за убеждения, которые через пятьдесят лет оказывались заблуждениями, сказкой были древние христиане немыслимого мужества, радостно дававшие львам сожрать себя (а львы отказывались их есть, не хотели), страшной сказкой были герои бесконечных войн, вся кровавая бессмысленность которых была ясна уже после самой первой. Но войны все повторялись и повторялись в дурном сне, что зовется человеческой историей... Ясно было одно: людям следовало уgomониться. Им следовало унятьcя, успокоиться, снизить уровень агрессии, перестать беспрерывно выражать свое мнение обо всем подряд, сделать музыку потише, а главное, перестать беспрерывно плодить желания. Но снова набухла война, очередная бессмысленная война, каких был уже миллион. Бражников не мог без ужаса думать о людях у себя на Родине, которые так легко подались на уловку. Так просто обмануть их. Он с физическим отвращением думал о человечке с раскаченным торсом, устраивавшим в Украине очередную кровавую дрянь. Тут, во Флоренции, можно было от этого скрыться, не только потому, что от страны пыльной травы, щербатого

асфальта и мрачных лиц его отделяли теперь тысячи километров, но и потому, что во Флоренции он был в другом времени, в другой жизни, в другом воздухе.

Возможно, все это всего лишь зависело от количества нервных окончаний, создающих способность человека к восприятию. В прошлые века легко было иметь спокойный взгляд и сильные убеждения, ибо человек имел в себе огромный нервный запас. Слово было редким, проповедь постоянной, Бог несомненным, семья большой, труд тяжелым, жизнь неспешной. Теперь же – так Бражников рассуждал в своем внутреннем монологе, который не прекращался никогда – подключенность к разветвленной системе коммуникаций стала одним из важнейших понятий бытия. Все мы к чему-нибудь все время подключены. Миллионы людей живут, включив себя в телевизор, в фейсбук, в инстаграм, в твиттер. Девочки в московском метро сидят, опустив лица в экранчики смартфонов, молодые люди идут по улицам с наушником в ухе, женщина вечером выходит гулять с собачкой и айфоном, транслирующим диспут из студии, и сам он в Москве то и дело хватался за планшет, чтобы скользнуть пальцем по дисплею и быстро пробежать глазами посты людей в социальной сети, которых он никогда не видел, но почему-то считал для себя необходимым знать, что они думают. Болезнь века, чесотка какая-то. Человек прошлого имел внутреннее пространство, которое он мог годами и десятилетиями заполнять по своему усмотрению, человек современный, как

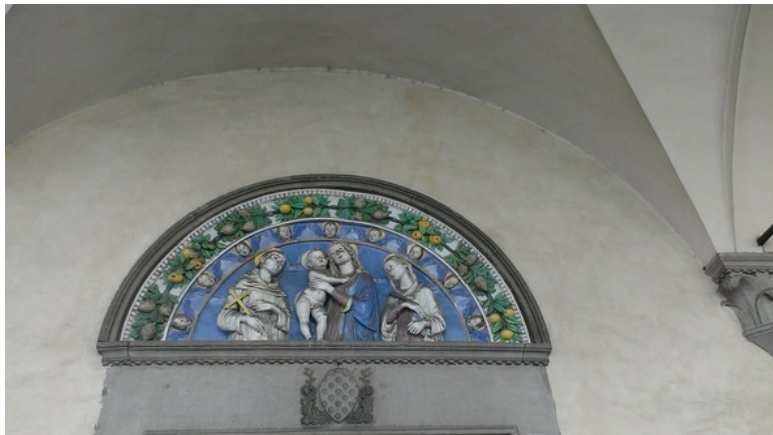
упаковка ultras, заполняется под давлением в одну секунду.

Было ясное и прозрачное утро во Флоренции, прекрасное утро с высоким голубым небом и свежим воздухом, утро, обещавшее длинный, нескончаемый, наполненный впечатлениями день. Медленно шагая в многоголосой и многоязычной толпе, Бражников забывал себя-московского и становился новым, флорентийским. В его терминологии это называлось: «переподключить себя». Вырвать провод из одного гнезда и воткнуть в другое, исчезнуть из России и объявиться в Италии, забыть гнилой воздух болотца на Кулишках и вдохнуть весну на тосканских холмах. В первый день во Флоренции он с наслаждением подключал себя к воздушному миру мягко сияющих красок и таинственных лиц. Он уже давно заметил, что с некоторых картин в галерее Уффици на него с молчаливым намеком глядят люди, которых он как-то странно, сновидчески, но точно не во сне, где-то когда-то видел.

Это случилось в тот момент, когда Бразников шел мимо столиков ресторана, расставленных на площади у Duomo. Столики были пустые, под белыми скатертями. Неудивительно, был только двенадцатый час дня, время еще не обеденное, да и ресторан дорогой, как всегда бывают дорогими рестораны на площади у главной достопримечательности города. Налетел ветер и резко рванул концы скатертей. И вот тут он увидел, что не все столики пусты: за одним, дальним, у самой стены, сидела женщина с сигаретой в отставленной руке. Перед ней чашка кофе. С кончика сигареты стекала струйка дыма. В женщине было что-то невероятно четкое, это он ощутил сразу всей своей смятенной и неуверенной ни в чем душой: завораживали ее огромные глаза, а еще тонкая смуглая рука с сигаретой и стройные ноги, скрещенные под столом. Она была в белых туфлях на плоской подошве. День был ветреный, порыв ветра снова схватил и затрепал концы скатертей, но осторожно, с великим почтением, пошевелил пряди ее темных густых волос. Тут вдруг в глубине ее гривы, как в густом лесу, вспыхнул таинственный янтарный свет и мгновенно погас.

Он пристально и неотрывно смотрел на нее из-под широкого козырька своей модной бейсболки, забыв обо всем, на ходу, монотонно переставляя ноги. Смеющиеся, разгова-

ривающие, фотографирующие люди заслоняли ее, он раздражался на них и обходил их. Лицо у нее круглое, почти детские щеки... Какая тонкая рука. Какие огромные глаза. Он вдруг почувствовал в этой женщине за столиком ресторана какую-то такую несвязанность с миром, от которой у него вдруг заныло сердце. Одинокая, почти потерянная в счастливом городе чудес и искусств, она смотрела мимо него своими огромными трагическими глазами и видела за его спиной что-то такое, чего он не видел, не предполагал, не знал. «Русская! Она русская!», – вдруг догадался и чуть не крикнул себе Бражников. Он медленно прошел мимо нее, в тридцати метрах от столиков ресторана, с печалью выходя из поля ее зрения, исчезая из ее жизни, удаляясь в шум и гам толпы, которая все прибывала и прибывала на площадь вокруг Duomo. Флорентийский день разгорался.



Глава вторая



Мазаччо. Изгнание из рая. 1424—1427. Капелла Бранкаччи церкви Санта-Мария-дель-Кармине. Флоренция

На следующее утро Бражников позавтракал в номере ом-летом – Альбена перепутала, он просил яичницу! – и долго пил кофе, стоя с чашкой в руке у открытой створки окна. Воздухом итальянской весны хотелось дышать и дышать, словно вдох и выдох становились здесь занятием, не требующим никаких других занятий. Камелия опять роняла лепестки, но их почему-то не становилось на ветках меньше: еще одна загадка природы, или мироздания, или Господа, который безуспешно пытался подобными ребусами что-то подсказать человеку. В корзинке, поставленной на журнальный стол заботливой хозяйкой, лежали несколько маленьких эквадорских бананов и идеальное яблоко, не имевшее страны происхождения, ибо его родиной была Европа.

В одиннадцать он вышел из высоких дверей гостиницы на *via dei Servi*, прямую и длинную улицу, где когда-то в одном из домов – никто не знает, в каком именно – жил с матерью Томазо ди Гвиди, более известный как Мазаччо, или Мазила, художник, входящий в клуб тех, кто покинул мир в двадцать семь лет. Странно, но и отец Мазаччо умер тоже в двадцать семь. На что намекало это совпадение, одно из многих сотен удивительных совпадений и синхронизаций, которые Создатель ежедневно подсовывает под нос людям, прося или даже моля обратить их внимание? Здесь же, на *via dei Servi*,

была мастерская, которую рассеянный художник, раздававший деньги всем, кто их просил, и забывавший требовать их назад, делил с другим художником, чье имя не сохранилось, да и работы тоже. А от Мазаччо сохранились плачущий Адам и рыдающая Ева, над которыми завис в левитации алый ангел с черным мечом, изгоняющий их из рая. Пальчиком левой руки ангел грозно и изящно указывает им: вон! Немыслимо прекрасен этот левитирующий ангел и больно смотреть на двух обнаженных людей. Но как же высоки ворота в рай и как же пуста пустыня...

В полдень Бражников в своей неизменной черной бейсболке с гербом нью-йоркских пожарных был у Santa Margherita dei Cherchi, где Данте впервые увидел Беатриче. Неподалеку, на вымощенной камнем маленькой площади, стояла фигура в истово-белом балахоне и с алебастровым лицом. Дантов нос с горбинкой был огромен. В длинной руке с широким, эффектно ниспадающим рукавом Дант держал листочки, скрепленные алой лентой. Поэт зычным голосом читал «Божественную комедию» стайке детей. Подняв лица, дети внимательно слушали. Темная арка вел в древнюю церковь. Бражников вошел. Церковь была маленькая, тесная, Дант был так близко от Беатриче, что должен был видеть слабый серебристый блеск ее гладких черных волос и узенький ремешок на тонкой талии. Правда, между ними – как между ним и той женщиной вчера, на площади, где гуляли люди и буянил ветер, почему-то подумал он – были дру-

гие люди, они заслоняли, загораживали, мешали. Он стоял под низким сводом, перед ним на сложенной из выпуклых камней стене висели стенды с фотографиями церковных мероприятий, у стены стояли сундуки и скамьи. Все как обычно. Цветная фотопечать в месте, где восемьсот лет назад случилась любовь. Когда Бражников вышел на улицу, то слева, прямо на него, в солнечном сиянии медленно и неотвратно шла вчерашняя женщина, та самая, которую он видел за столиком ресторана на площади Duomo.

Он замер от неожиданности. Несколько мгновений он ничего не видел, кроме ее круглого лица с маленьким подбородком и огромных серых глаз. Она шла, чуть припадая на левую ногу, и смотрела ему в лицо трагическим взглядом. Как будто ей был открыт весь ужас жизни и вся ее немислимая бесконечность и с этим ощущением она шла в одиночестве по весеннему, наполненному энергичными туристами городу. Ошарашенный ее явлением, зачарованный ее медленным проходом по узкой Casa di Dante, Бражников стоял как вкопанный на пороге церкви, которая больше походила на пещеру в стене, и смотрел ей вслед. Темные волосы лежали у нее на плечах, пряди буйно и живописно вились на концах, она была невысока ростом, ладно сложена, одета в белую куртку, джинсы и маленькие, почти детские кроссовки. Прогоняя наваждение, он тряхнул головой с такой силой, что его вечная бейсболка чуть не слетела на древние камни – и вернулся. Снова перед ним был Дант с але-

бастровым лицом и огромным крючковатым носом. Дробно и часто застучали монеты, щедрые дети бросали их артисту в картонную коробку. Что за явление, что происходит, откуда она взялась, кто она, эта женщина с медленной походкой, и почему он ее опять видит? Совпадение траекторий? Пересечение судеб? Неизвестный ему процесс, развивающийся сразу на трех небесах? Но почему? Что почему? И какая, черт возьми, разница, кто она и почему?, – раздражился этот долговязый на себя. Но было что-то сильное и неотвязное, что уже сидело в глубине его смутной, расплывчатой, растерянной души.



Вечером, возвращаясь домой, – в мыслях он называл комнату №2 в отеле Panerei&Panerei своим домом – он снова обошел по периметру заполненную людьми площадь неизбежного в любой прогулке Duomo и, совершив вращение вокруг собора, ступил на via dei Servi. В конце via dei Servi, прямой стрелой вылетавшей из площади, виднелась прекрасная Della Annunziata, где, как он знал, по левую руку жили обычные сегодняшние люди и в прекрасной небрежности оставляли у дверей велосипеды и вывешивали белье, а по правую в пышном золоте и голубоватом сиянии внутреннего убранства возносился к пятому небу храм, столп Господень. Здесь

на полу, в галерее, в круге розового мрамора были слова, которые Бражников в каждый свой приезд во Флоренцию собирался перевести, да все никак. За стенами галереи, в монастыре сервитов, когда-то поселился Леонардо, чтобы нарисовать для монахов и их церкви верхний запрестольный образ. Очередь из флорентийцев, желавших посмотреть картон Леонардо с Марией, Анной, младенцем и ягненком, тянулась тогда по *via dei Servi* до самого собора. Это почти километр. И теперь он шел по этому пути вдоль невидимой очереди, в которой тихо стояли флорентийцы в шляпах и их жены в пышных платьях.

Бражников шел посередине улицы, точно по линии между светом и тенью, решая ежевечернюю задачу, которая надоела ему, так же как давно и утомительно надоел он себе сам, со своим глухим одиночеством, фирменными неразрешимыми сомнениями и мыслями обо всем и никуда. А задача была простая: ужинать или нет. Но он даже в самые простые вопросы углублялся как в аристотелеву философию. Вдруг на облупленной и кое-как подмалеванной стене прямо перед ним возникли выведенные неряшливым черным маркером слова: *Basta con sta vita di merda!* Кто-то проклинал жизнь и ругался по страшному. Он внутренне согласился. Эту фразу стоит запомнить, да воистину *basta con sta vita di merda!*, хотя даже отчаяние в прекрасной Флоренции было отчего-то прекрасно и совсем не так уныло, как в Москве. Но вопрос ждал ответа, не отвертись. Мужчины, ужинающие в ре-

стороне в одиночестве, казались ему жалкими, потерянными людьми, неудачниками, не обзаведшимися ни женщиной, ни друзьями. Ужинать в траттории в одиночестве было для него чем-то вроде саморазоблачения пополам с пыткой. Тогда он твердо решил, что идет в отель, где в холодильнике его ждет упаковка йогуртов, булочка с тмином и коробка с пакетиками чая Lipton, так что можно долго, по-московски, пить чай и смотреть в окно на камелию – и тут же, противореча себе, решительно сел за столик траттории на улице.

Тот, кто полчаса назад был твердо уверен, что ни за что и никогда не будет в одиночестве сидеть в ресторане, сейчас благодушно ел огромного лобстера, пил вино и откидывался на мягкую сине-белую подушку, заботливо подложенную под спину молодым официантом. Через столик от него сидела компания из трех женщин и мужчины. Женщины громко говорили, мешая итальянский с английским. Та, что сидела во главе стола, выразительно посмотрела на Бражникова своими сильно подрисованными глазами и произнесла несколько слов на итальянском. После секундной паузы, догадавшись, он встал, взял бутылку и отправился к ним за стол, чем вызвал бурное ликование. «Он идет! Он идет! Он идет к нам!»

Одна была чешка, живущая в Италии, вторая итальянка, а третья немка. Она была с мужем, который молчал и улыбался, улыбался и молчал. Немка пила виски, остальные белое вино. «Закажи мне еще!» – сказала она мужу. На столе не было еды, только бутылки с водой и вином, рюмки и стаканы. Женщины были в таком состоянии, что невозможно понять, о чем они говорят, тем более что немка не знала итальянского, а итальянка английского. Чешка знала итальянский, но не знала немецкого. Снова ребус. Это был сбивчивый и шумный разговор трех женщин о мужчинах, который

они вели в присутствии двух мужчин, на которых они не обращали никакого внимания. Бражников понимающе улыбнулся немцу, немец молча улыбнулся ему.

Теперь трудно, почти невозможно найти мужчину надолго, все они куда-то бегут, год-два, и все кончилось. Безработица тридцать процентов. Так говорила маленькая, бойкая, горластая итальянка. Никуда невозможно устроиться. Везде в Италии коррупция, не занесешь не получишь, надо быть обязательно чьим-нибудь племянником или братом, иначе никак; в стране ужасный бардак, уровень жизни падает, денег ни у кого нет, и зарабатывать их становится все труднее, а мужчины все время убегают, никто не хочет постоянства, все временно, сошлись-разошлись, побыли вместе-разбежались, так что о любви говорить не приходится. Любви больше нет, не существует, ее отменили, мужчины обмельчали, стали такие же капризные и эгоистичные, как женщины, – продолжала она громким голосом на всю улицу – живут на подножном корму, сегодня с одной, завтра уходит к другой, потому что у нее больше квартира, или больше денег, или лучше машина, или просто потому, что надо переходить и менять, переходить и менять, в этом теперь жизнь. Да, да, да, кивала чешка с широким и добрым лицом, а немка со съехавшими к носу пьяными отчаянными глазами мрачно сидела перед пустым бокалом. «Закажи мне еще!» Муж кивнул официанту. «А любовь?, – улыбаясь, спросил Бражников, как о шутке. – Ну, love, amore, vero amore? – Ah, amore, –

чешка понимающе закивала в ответ, а маленькая итальянка сделала резкий пренебрежительный жест рукой и отвечала ему пронзительным голосом, – нет теперь никакой amore, мистер! Раньше, может, и была, во времена Данта, ведь недаром он написал столько стихов! а теперь ее нет, этой самой любви, о которой все говорят и поют песенки, тра-ла-ла, тра-ла-ла, но она исчезла из жизни, сладкая любовь, никто не хочет никого любить, потому что это хлопотно и от нее одни проблемы, а люди теперь хотят жить без проблем, легко, с удовольствием, вот как мы тут!» Она захохотала и добавила что-то такое, что две другие женщины за столом очень хорошо поняли и тоже захохотали и закричали, поддерживая итальянку в ее развенчании любви.

Тут с Бражниковым, сытым, подвыпившим и находившимся в приятном состоянии духа, что бывало с ним нечасто, случилось странное происшествие. Официанта давно не было видно, и он встал, чтобы зайти в тратторию – они ведь сидели на улице под полосатым сине-белым тентом – и заплатить за пасту и вино. Две створки широкой стеклянной двери были перед ним, одна предусмотрительно открыта, но он выбрал другую и врезался лбом в стекло. Боль и гром сотрясли его голову. Автопилот мгновенно сменил курс и сунул оглушенное тело в правильную дверь. В полутемном зале, где уже давно не было ни одного посетителя, за столом бок о бок сидели молодой официант и пожилой хозяин. Оба в фартуках. Перед ними огромные тарелки

с горами еды. Они ужинали, ожидая, пока последние посетители догуляют вечер. Две пары добрых итальянских глаз в немом недоумении уставились на высокого мужчину с разбитым лбом, наблюдая в реальном времени возбуждение фиолетовой шишки и стекание струйки крови к левой брови. Салфеткой со льдом, которую с великим сочувствием на лице дал ему официант, немедленно вставший к стойке, Бражников промокнул лоб и понял, что он в крови.

Все изменилось. Что-то гудело то ли в голове, то ли вокруг нее, то ли далеко в ночном городе. На другой стороне улицы сновали тени. Флоренция пошатывалась и покачивалась в пятом вечернем небе всеми своими старинными домами, узкими вычурными мостами, роскошными дворцами, покинутыми хозяевами в плащах и камзолах. Они ушли однажды ночью, освобождая город для следующих поколений. Удар сотряс память, мысли в мозгу, смутную душу, так и не познавшую себя за сорок пять лет жизни, далекие звезды, тихо мигавшие в бесконечной высоте у Бога под босыми ногами. Темнота на улице, по которой когда-то ходил Бенвенуто Челлини с кинжалом на поясе (здесь однажды он встретил герцога Козимо Медичи, намереваясь со всем смирением просить его о помощи, но от незначащих слов герцога впал в ярость и нахамил ему; такое с Челлини случалось часто), стала гуще, а фонари резче. *Amore, amore*, ее нет теперь, – эхом звучал в голове пронзительный крик итальянки. Она сказала, что прежде работала в медицине – он подумал,

что, скорее всего, в регистратуре поликлиники – и потребовала убрать пакет со льдом от лба, чтобы она могла произвести осмотр ран. Они что-то ворковали и щебетали вокруг него, взволнованная итальянка и обеспокоенная серьезная чешка, в то время как пьяная немка висела на руке мужа и прощалась. «Закажи мне еще!» Это был вечер в траттории, посредине которого ему, выпившему много вина, казалось, что они теперь все друзья, но, расставаясь, никто не предложил обменяться телефонами, и он принял это со смирением, потому что знал, что в наше время в Европе так бывает всегда. Две женщины снабдили его на прощание щедрыми поцелуями, они стояли на углу улицы поблизости от фонаря и целовали его в щеки, а он послушно наклонялся к ним и целовал их в ответ. В номере 2 отеля Panerei&Panerei, который он нелепо и жалко называл своим домом, он посмотрел в зеркало: оттуда на него глядел высокий дурак в модной красно-белой рубашке-поло с белым отложным воротником и потертых джинсах. Щека криво измазана помадой, на лбу торчит тугая фиолетовая шишка, ссадина ноет в том месте, которым он таранил стекло с наклейками кредитных карт. А где моя бейсболка? Ах, да, вот она, я бросил ее на кровать.

На следующее утро у Бражникова болел лоб над левой бровью и было смутно, тяжело, тягуче, муторно на душе. Это было то самое хорошо знакомое ему состояние, когда он чувствовал, что что-то глубоко и основательно не в порядке в его жизни, но никогда не мог сосредоточиться и сказать, что именно. Жил да сплыл, был рядом, да не зашел, бросал точно, да не попал. Это было про него. Главное всегда ускользало. Беспричинная тревога в такие моменты доводила его сосуды до сжатия, а горло до спазматического кашля, так что, бывало, он даже бежал к раковине и корчился над ней. Но он все равно улыбнулся вошедшей в комнату с подносом в руках Альбене – куда денешься в Европе от вездесущих вежливых улыбок, – перебросился парой слов с добродушным Вальтером и вышел на улицу, почему-то будучи твердо уверен, что сегодня опять встретит ее.

Так и случилось. Какая-то высшая сила сводила их на улицах Флоренции, брала за шиворот и сталкивала друг с другом, словно заставляя познакомиться. И ждать долго не пришлось. В четверть первого он увидел ту женщину на *via dei Corso*. Она медленно шла ему навстречу, припадая на левую ногу, отрешенная и одинокая так, как может быть одинок забытый на земле пришелец. На плече ее висела большая оранжевая сумка, сияющая на ярком солнце, блестящая, глянце-

вая. Еще три шага, и они встали лицом к лицу. Он не уступил ей дорогу. Она была маленькая, ему по плечо, с распущенными и вьющимися волосами, всю роскошную прелесть которых он ощутил, глядя на них с высоты своего роста и чувствуя их теплый, нежный, бесконечно знакомый запах. Этот запах напоминал ему о том счастье, что он когда-то знал, но забыл, о том месте, где он когда-то был, но потерял его в пространстве и в памяти. Итальянки так ходят, с распущенными волосами, но она не была итальянкой, он знал точно.

– Здравствуйте, – сказал Бражников неуверенно, после паузы, в которую он мучительно выбирал между русским, английским, немецким и итальянским. Всего одно слово, но далось оно ему нелегко. Усилием воли он вытолкнул это простое слово из себя, протащил его через горло и проартикулировал губами, старательный, как немой, который учится говорить. Он много лет не заговаривал с незнакомыми людьми на улицах. Жил один. Женщины, а вернее возможность сближения с ними, пугали его. Выход в мир из самого себя внушал ему страх. Он предполагал, что она может, едва пожав плечами – сумасшедший что ли какой-то – и не меняясь в лице, просто обойти его, как обходят столб или попрошайку, не обращая внимания, не замечая, не зная, не запоминая.

– Здравствуйте, – сказала она и доверчиво посмотрела ему в лицо снизу вверх. Ему даже показалось, что в ее глазах смех. Веселье в них точно было, когда она смотрела на его

напряженное, взволнованное лицо в тени козырька, под которым мрачно сиял фингал. – Что с вами случилось? Где вы так разбили себе голову, о господи?

Да, в ее серых глазах был смех. И оранжевые точки-искорки там были. Люди улыбались и обходили их. Стоять посреди многолюдного тротуара было неудобно. – Может, выпьем кофе?, – предложил Бражников и внутренне съежился от пошлости собственных слов. На лице его витала растерянная улыбка, пальцы левой руки сжимались и разжимались, шишка на лбу наливалась, как спелая слива, нервное возбуждение нарастало до судороги в ладонях. Все это происходило оттого, что он видел себя со стороны и понимал, как нелеп. Он знакомился с ней на улице, словно турист, ищущий приключений особого рода, и предлагал выпить кофе, как жиголо, изъясняющийся стандартными набором всегда и для всего подходящих банальных фраз. От стыда уши его засветились пунцово.

– Да, давайте, – спокойно согласилась она и снова с интересом посмотрела на его лоб. Казалось, его замечательный фингал интересует ее больше, чем он сам, со всеми его сложностями, мытарствами, двенадцатью ступенями неба и прочими проблемами, так явно написанными на растерянном лице. – Давно это с вами случилось?

– Вчера вечером, – он шагнул в дверь кафе на перекрестке напротив палаццо Пацци. Тяжелые черные решетки на высоких окнах, когда-то нарисованных на плане Брунелески,

уродовали здание. Решетки – это уже была современность. С флажштоков на фасаде свисали три флага. – Что вы будете? – Капучино.

Маленькое кафе располагалось в угловом доме, то есть выходило витринами сразу на две улицы. Здесь было как-то особенно, по итальянски, людно и шумно, звучали голоса и смех, в конце тесного зала дети ели мороженое, их опекали большие женщины в длинных юбках и шляпах с опущенными полями. Бражников подошел к стойке, попросил капучино для нее и чай для себя. Кофе он пил утром в номере, наливая его в чашку из никелированной кастрюльки, днем пил только чай. Он знал про себя, что вторая чашка кофе приводит его в возбуждение, а если он в порыве храбрости или в приступе безумия выпивал третью, то лишался сна на всю ночь. Чай же успокаивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.